

АННАБЕЛЬ ПИТЧЕР

АННАБЕЛЬ ПИТЧЕР

ОБЛАКА
ИЗ КЕТЧУПА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
П35

Серия «Любовь, звезды и все-все-все»

Annabel Pitcher

KETCHUP CLOUDS

Перевод с английского *Г. Тумаркиной*

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Печатается с разрешения литературных агентств
Felicity Bryan Associates и Andrew Nurnberg.

Питчер, Аннабель.

П35   Облака из кетчупа : [роман] / Аннабель Питчер ;
[перевод с английского Г. Тумаркиной]. — Москва :
Издательство АСТ, 2020. — 320 с. — (Любовь, звезды
и все-все-все).

ISBN 978-5-17-113849-3

На первый взгляд, пятнадцатилетняя Зои — обычная девочка с обычными проблемами. У нее есть: А) вечно ругающиеся родители, которые запрещают ходить на вечеринки; Б) младшие сестры, за которыми нужно присматривать; В) лучшая подруга Лорен, с которой можно обсудить все на свете.

Но вот уже несколько месяцев Зои скрывает необычную тайну. Наконец она решает открыться, хотя бы в письме, тому, кто поймет ее как никто, — мистеру Харрису, убийце в камере смертников в Техасе. Ведь он тоже знает, каково это — убить любимого человека...

Вооружившись ручкой и бутербродом с джемом, Зои строчка за строчкой открывает свою страшную правду — о неоднозначной любви, мучительном чувстве вины и дне, который навсегда изменил ее жизнь.

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Annabel Pitcher, 2012

© Перевод. Г. Тумаркина, 2018

ISBN 978-5-17-113849-3 © Издание на русском языке AST Publishers, 2020

*Моему мужу и лучшему другу, С. П.,
с любовью и искренней благодарностью*

Грешно, смешно, сплошная ерунда,
Но как прекрасно было!

Роберт Браунинг, «Исповедь»*

---

* Перевод Э. Ю. Ермакова. — Здесь и далее примеч. переводчика.

Сказочная ул., 1
Бат

1 августа

Уважаемый мистер С. Харрис!

Не обращайтесь внимания на красную кляксу в левом верхнем углу. Это варенье, а не кровь. Хотя, думаю, вам не нужно объяснять разницу. Не варенье же полиция обнаружила на вашем башмаке.

Варенье в углу — из моего сэндвича. Домашнее, малиновое. Бабушка варила. Уже семь лет, как она умерла, а это варенье последнее, что она сделала. Ну, типа того. Если не считать время, которое она провела в больнице, подключенная к одной из этих штук-ковин, которые делают «бип-бип», если вам повезло, и «бииииип-бииииип», если — нет. Вот такой звук и кружил по больничной палате семь лет назад. Бииииииииииип. А полгода спустя родилась моя младшая сестра, и папа назвал ее в честь бабушки. Дороти Констанция. Когда папа перестал горевать, он решил подсократить имя. Сестренка у меня маленькая, кругленькая, поэтому мы и стали звать ее Дот*.

---

* Dot (англ.) — точка.

Другой моей сестре, Софи, десять. У них у обеих длинные светлые волосы, зеленые глаза и острые носики. Только Софи высокая, худенькая и более смуглая, будто ее покатали, как колбаску, а потом минут десять подсушивали в духовке. Я другая. Каштановые волосы. Карие глаза. Средний рост. Ничего особенного, по-моему. Посмотришь на меня — нипочем не догадаешься про мою тайну.

Я все-таки доела сэндвич. Варенье нормальное, не прокисло, потому что в стерилизованных банках может храниться целую вечность. По крайней мере, так говорит папа, а мама воротит нос. Он у нее тоже остренький. А волосы того же цвета, что у моих сестер, но короче и вьются. У папы волосы почти как у меня, только над ушами седые прядки. У него еще такая штука — гетерохромия называется. Это когда один глаз карий, а другой светлый. Голубой — если на улице ясно, серый — если пасмурно. Глазок как небо, сказала я однажды, и у папы появились такие ямочки на щеках, как раз посерединке. Вообще, не знаю, имеет ли все это какое-то значение, но, наверное, будет правильно описать мою семью, прежде чем говорить, зачем я сюда пришла и что хочу вам сказать.

Потому что я собираюсь сказать это. Я не просто так сижу в этом сарае. Здесь чертовски холодно, и мама меня убьет, если узнает, что я встала с постели, но это самое подходящее место, чтобы написать письмо. Вокруг такие деревья... Не спрашивайте меня — какие, но у них большие листья и они

шуршат на ветру. Ш-ш-ш-ш. Другого такого голоса ни у кого нет.

У меня пальцы липкие от варенья. Держу пари, усы у котов — тоже. Ллойд и Веббер так мяукали, словно поверить не могли своему счастью. Ну еще бы — с неба сыплются сэндвичи! А это я зашвырнула свой за живую изгородь. Наелась. Вообще-то мне есть нисколечко не хотелось. Если на то пошло, я взялась за сэндвич, только чтоб не браться за письмо. Не обижайтесь, мистер Харрис! Просто мне трудно. И я устала. Почти не сплю с 1 мая.

Но здесь я не засну точно, не бойтесь. Черепица в ящике, на котором я сижу, жутко колется; из-под двери сарая тянет сквозняком. Надо поторапливаться, потому что мне по обыкновению везет как утопленнику: батарейка в фонарике садится. Я было попробовала зажать его в зубах, да челюсть заболела. Теперь он качается на подоконнике по соседству с паутиной. Обыкновенно я не сижу в сарае, тем более в два часа ночи, но сегодня голос у меня в голове просто оглушительный, образы — более живые. И сердце колотится, колотится. Как сумасшедшее. Если бы его сейчас подключить к той больничной штуковине, держу пари, она бы не выдержала, перегорела.

Когда я вылезла из-под одеяла, пижамная кофта прилипла у меня к спине, а во рту было суше, чем в пустыне. Я сунула в карман халата бумажку с вашим именем и адресом и на цыпочках выбралась наружу. Теперь я здесь, один на один с чистым ли-

стом бумаги, полная решимости поведать вам свою тайну, хотя не представляю, как это сделать.

Когда пишешь, не бывает косноязычия, а если бы было (типа, моя рука вовсе не рука, а здоровенный язык), честное слово, она, рука, завязалась бы в такой мудреный узел, какой умеют завязывать только скауты. Скауты и один мужик на ВВС Two, тот лохматый, который ведет программы про выживание, вечно лопает змей и спит на деревьях посреди джунглей. Мне сейчас пришло в голову, что вы, вероятно, понятия не имеете, о чем я болтаю. У вас в камере смертников есть телик? Если есть, вы смотрите британские программы или только американские?

Конечно, глупо задавать вопросы. Даже если бы вам захотелось ответить, адрес в начале этого письма ненастоящий. Никакой Сказочной улицы в Англии нет. Поэтому, мистер Харрис, даже не мечтайте сбежать из тюрьмы, поймать в Техасе машину и, как гром среди ясного неба, объявиться у меня на пороге, у девочки по имени — ну, скажем, Зои.

Ваш адрес я нашла на сайте «Камера смертников», а сайт нашла с подачи одной монахини. Вот уж не думала, что напишу такое предложение, но, похоже, вся моя жизнь катится совсем не в ту сторону. Там, на сайте, была ваша фотка. Для бритого наголо человека в оранжевом комбинезоне, в толстых очках и со шрамом через всю щеку вы выглядите даже дружелюбно. Я кликала не только на ваш профиль. Сотни преступников ищут друзей по пе-

реписке. Сотни. Но вы особенный. Вся эта история про то, как ваша семья отреклась от вас и вы не получали ни строчки целых одиннадцать лет. Вся эта история про ваше чувство вины. Не то чтобы я верила в Бога, но на исповедь ходила — хотела избавиться от своего чувства вины. Сначала, правда, трижды проверила в Википедии, что священник не сможет донести на меня в полицию. Но когда села в кабинку и сквозь решетку увидела его силуэт, не смогла заговорить. Как признаться человеку, который ни разу в жизни не согрешил, разве что отхлебнул лишний глоток вина для Причастия в тяжелый для себя день? Если, конечно, он не из тех священников, которые дурно ведут себя с детьми. В этом случае ему про грех все ведомо. Уверенности у меня не было, и я не стала рисковать.

С вами гораздо безопасней. А еще, если честно, вы немного напоминаете мне Гарри Поттера. Не помню, когда вышла первая книга — до вашего обвинения в убийстве или после? На всякий случай, если вы не в курсе — у Гарри Поттера был шрам и очки (и у вас шрам и очки), и он тоже не получал писем. А потом ни с того ни с сего он вдруг получил загадочное письмо, в котором было сказано, что он волшебник, и его жизнь чудесным образом преобразилась.

Сейчас вы, наверное, читаете это в своей камере и думаете: «А вдруг и мне сейчас объявят, что я обладаю магическими силами?» И, если сайту мож-

но верить, держу пари, воображаете, как исцеляете все до единой колотые раны вашей жены. К сожалению, должна вас разочаровать и все такое... Я самая обыкновенная девочка-подросток, вовсе не директор Школы Чародейства и Волшебства. Однако, поверьте, если бы эта шариковая ручка была волшебной палочкой, я надела бы вас магической силой, чтобы оживить вашу жену, потому что в этом мы с вами похожи.

Я знаю, каково это.

У меня была не женщина. У меня был мальчик. И я его убила. Ровно три месяца назад.

И знаете, что хуже всего? Мне это сошло с рук. Никто не докопался, что это на моей совести. Ни одна живая душа. Я гуляю, где хочу, говорю правильные слова, совершаю правильные поступки, но внутри у меня все кричит. У меня духу не хватает признаться маме, или папе, или сестрам, потому что не хочу, чтобы от меня отреклись. И в тюрьму не хочу, хотя мне там самое место. Вот видите, мистер Харрис, я не такая храбрая, как вы. А из-за смертельной инъекции вы особо не тревожьтесь. Я бы вообще из-за этого не переживала — когда усыпили мою собаку, она, клянусь, выглядела так безмятежно. На сайте говорится, что вы себя никогда не простите, но теперь вы хотя бы знаете, что есть на свете люди куда хуже вас. У вас хватило мужества сознаться, а я ужасная трусиха — открыть свое настоящее имя и то боюсь, даже в письме.

Так что зовите меня Зои. И представим, что живу я на западе Англии, где-нибудь, ну не знаю, неподалеку от Бата, старинного города с древними зданиями и толпами туристов по выходным, фотографирующих мост. Все остальное, что я напишу, будет чистой правдой.

Зои